

Глава 1

— Куда ты собираешься, я так и не поняла? Какая командировка? Нам квартиру надо разменивать. Ты что? Пытаешься увильнуть?

Жена смотрела на Соболева с подозрением. Впрочем, так она смотрела всегда. Или почти всегда. Руки в боки, один глаз прищурен, левая бровь приподнята. Как ей это удавалось? Соболев сто раз пробовал поднять не обе брови сразу, а одну. Кроме гримас больного хроническим запором ничего не получалось. А жена — запросто. Не напрягаясь. Ах, да. Бывшая жена. Они развелись, и им нужно срочно разменивать квартиру.

— Костя! Ты меня слушаешь вообще?

— Я собираюсь в село Позднее, у меня там исследование.

— Это где? Под Рязанью?

— Под какой еще Рязанью? С чего ты... А, нет. Там Позднее. А Позднее — это Красноярский край. Жуткая глушь. — Соболев вздохнул. — Тань, чего ты маешься? Живи в квартире, я что-нибудь придумаю.

Ирина Малаховская-Пен

— Еще скажи, дурью маешься. Не подходит мне твое «что-нибудь придумаю».

— Почему? По-моему, все прекрасно устроится. Ты будешь жить в хорошей трешке в центре города, а не в маленькой квартирке в спальном районе. Дай мне поступить по-мужски, что ты выдумываешь?

— Костя... — Жена опустилась на диван с тяжелым вздохом и отвернулась.

У нее больше не было сил наблюдать, как Соболев собирает свой рюкзак и не обращает на нее никакого внимания. Как и все пятнадцать лет. Ничего не интересовало ее мужа, кроме странной науки, изучающей уродства. Тератологии. Жизни с ним не было никакой. Разве могла она вызвать интерес мужа со своими 90–60–90 и красивым лицом? Живая и цветущая? Нет. Только уроды. Только аномалии. Вот и сейчас, он объясняет ей плюсы ситуации, в которой они не станут разменивать квартиру, но по сути ему наплевать. Он занят мыслями о предстоящей поездке в какую-то глушь, где его будет ждать какой-нибудь очередной уродец. Нет. С нее хватит. Отрезать полностью, и никаких точек соприкосновения в будущем.

— Костя, я хочу жить в отдельной квартире. Чтобы ты не имел к ней никакого отношения. Я в собачей конуре готова жить! Только чтобы никогда, никогда больше не видеть. Ни тебя! Ни твоих книг! Ни твоих фильмов страшных! Ни твоих исследований!

Она почти кричала. Соболев удивленно вскинул брови. Обе сразу. Посмотрел на часы: «Э, да так и опоздать недолго».

— Что от меня требуется? Я все равно уеду, так что просто скажи: что нужно? Доверенность сойдет? Все сделаешь сама.

Хлодная вечность

— Ну, что поделаться. Если тебе на все наплевать, — поморщилась Татьяна, — давай доверенность. Сделаю сама.

— Идем сейчас, за углом есть нотариус, я все подпишу. Быстрее, я опаздываю.

Глядя на макушку обувающейся Татьяны, Соболев почувствовал, как кольнуло сердце. Кольнуло и протяжно зануло. С чего она взяла, что ему на все наплевать? Он же так любил ее. Господи, да он и сейчас ее любит! Но, раз так надо, что ж. У него нет времени вникать в «зачем», «за что» и «почему». Случилось, значит случилось. Его ждет самое необычное и интересное исследование за всю его карьеру. Такого еще не было! Если это не сказки, а Соболев верил своему источнику, то он напишет такую работу! Возможно, придется подключать ученых из других областей. Скорее всего, аномалия связана с каким-то искажением в атмосфере. А может быть, рядом с деревней есть что-то, влияющее на местных жителей? Чудо-озеро, например. Появившееся на месте некогда приземлившегося космического корабля. Откуда мог взяться такой эффект? Это же буквально волшебство. Всю дорогу до аэропорта и дальше Соболев непрерывно думал о месте, в которое направлялся. И было ему и радостно, и тревожно. А ведь еще две недели назад ничего не предвещало такого поворота. Пока не приехал к нему товарищ...

Товарища, давно и основательно двинутого на паранормальном, звали Виктор Логинов, и когда он без звонка появился в лабораторию к Соболеву, видок у него был тот еще. Лохматый, осунувшийся, глаза блестят нездоровым блеском. А уж история, привезенная парапсихологом Логиновым из Красноярского края, могла све-

Ирина Малаховская-Пен

сти с ума кого угодно. Кого угодно, но только не Костю Соболева. Витя рассказывал о произошедшем, периодически сглатывая слюну и оглядываясь по сторонам. Он был нормален, в этом Соболев был убежден, хоть и не был психиатром. Нормален, но до крайности возбужден и взволнован:

— Понимаешь, Костян, я же поехал туда специально к 22 сентября. Подгадывал еще, кретин! Думал, что это байка. Легенда. Ну, не может же быть, чтоб на самом деле!

— Странно, что не думал. Ты же всю жизнь этому посвятил. Значит, должен верить.

— Да верю я, верю. Но чтобы такое... Думал, сказки, в общем. Слухи пустые. А тут как раз отпуск нарисовался, я его на сентябрь сдвинул. На работе подумали, что я того... с ума сошел. Все летом и на море, а я осенью и в Сибирь.

— Постой, так ты кому-то говорил, зачем едешь?

— Да говорил, конечно, говорил. А в чем тайна-то? Ну, вот, мол, так и так, есть в сибирской глуши деревенька. Там люди после смерти не лежат в земле разлагающимися трупами, а продолжают ходить среди живых. Ну, ты сам послушай. Ведь как бред звучит. Так?

— А чего ты поперся-то? Если считал это бредом...

— А как? Как я мог не поехать? А вдруг! Всегда же она есть, эта тонкая ниточка надежды. И потом, я был уверен, что там действительно есть какая-то аномалия, в деревне этой. Но чтобы такое!

— И что? Действительно НИКАКИХ отличий?

— Костя... — Виктор вытер вспотевший лоб, сглотнул и оглянулся. Кроме них в кабинете никого не было, и эти оглядки уже начинали действовать Соболеву на нервы. — Я клянусь тебе, чем хочешь. Кем хочешь. Мамой. Детьми. Своей жизнью. Никаких отличий.

Хлодная вечность

У Соболева не было своих детей, но ему подумалось, что это действительно серьезная клятва. Когда клянутся детьми, врать и сочинять не станут.

— Что — ни внешних, ни эмоциональных, ни поведенческих?

— Абсолютно. Пока не наступит треклятое 22 сентября — все люди как люди. А после равноденствия снова все люди как люди. И поскольку на улицу в эту ночь никто из живых не посмотрит ни за что, даже в щелочку, то тайна мертвых остается их тайной. Друг о друге они, конечно, знают. Но живым их не вычислить. Никак. Тот, кто узнает об этом, попадись им в эту ночь, тоже уже ничего не расскажет. Он просто станет кормом.

— Так ведь они, наверное, не стареют! Те, кто умер. Так и можно вычислить, ты чего? Наверняка местные жители знают, кто жив, кто мертв.

— Я не видел там стариков. Слушай, а я ведь даже не задумывался... Сейчас ты спросил, и до меня дошло. Стариков в деревне нет.

— А дети? — спросил Соболев удивленно.

— И детей нет.

— Ужасно... И что, тебе грозила опасность, получается? А как ты спасся?

— Меня спас Петр. Мужик лет тридцати. Там же нет никакой цивилизации толком. Машин нет ни у кого. Ну я уселся на скамейку посреди села и жду, значит. Когда стемнеет. Чтобы увидеть все своими глазами. Если что-то будет. До этого я весь день по деревне шатался, со всеми заговаривал. Не особо приветливые они там, конечно, но и откровенной агрессии нет. Я увидел простых людей, каждый чем-то занят. На вопросы они толком не отвечали, ухмылялись да отворачивались. И часам к пяти я просто устал, сел на лавку, достал термос, бу-

Ирина Малаховская-Пен

терброды. Стал ждать наступления темноты. Тут и ехал мимо Петя. На телеге с лошадей, прям девятнадцатый век, честное слово. Остановился рядом со скамейкой, хотя какое ему дело до меня. Спросил: «Не местный? Что тут сидишь?» Ну я ответил, что тут у них творится что-то странное, мол, жду, чтобы увидеть самолично. Он мне и сказал, что если я не полный идиот и хочу еще пожить, то должен идти с ним. Ну а если я приехал, чтобы покончить с собой — могу сидеть дальше.

— И ты ему сразу поверил?

— Ты знаешь, да. Он как-то так спокойно это сказал. Но глаза при этом... В общем, серьезные у него были глаза. Я пошел с ним. Петр привел меня в свой дом, и лошадь завел внутрь. Я удивился, а он мне и говорит: «А что ты так смотришь? Лошадь, она ведь тоже жить хочет». Ну потом он закрыл двери, окна, ставни железные на замках. Вдоль подоконников и порога насыпал соль, и повесил осину. Я думал, что осиновые колы — это же для вампиров. А Петя ответил, что «нечисть она нечисть и есть, и против нее все средства хороши». Вот так.

— А потом?

— А потом была ночь, — выдавил Виктор. — Я ничего не видел. Зато наслушался вдоволь.

— Чего именно?

— Прости, друг. Я не то чтобы описывать, я думать пока об этом не хочу. Не могу. Прости.

— А что наутро?

— А наутро все по-прежнему. Светило солнце. Люди занимались своими привычными сельскими делами. Петр сказал, что нигде не нашли Зою из соседнего дома. Отец искал по всей деревне, причитал, всплескивал руками. В общем, мрак.

Хлодная вечность

— Так как же? Если все знают? Не успела добежать до дома затемно?

— Ее родитель выдвинул именно эту версию. Мол, может, забыла какое число, шла из лесу, но...

— Что? Да говори же уже!

— Петр считает, что это он.

— Кто? — Выпучил глаза Соболев.

— Илья. Отец Зои.

— Отец убил дочь?! Как это?

— Убил и съел. Умер он, видать. Или, может, погиб. А там же это никак не узнать, если, например... Ну умер ночью во сне. А утром встал и ходит, как ничего не было. Она и не знала. Пока не закрылась с ним в доме в эту проклятую ночь.

— Слушай, ты рассказываешь какие-то ужасы.

— Ты не веришь мне? — Логинов поднял на Костю лихорадочно горящие глаза.

— Спокойно, спокойно! Я тебе верю. Но это уже за гранью. Это не помещается в моей голове. Чтобы отец сожрал свою дочь. Может, все-таки она забыла дату и не вернулась вовремя?

— Он уже не отец. И даже не человек. Хотя выглядит и ведет себя в основном как человек. Но он, по сути, зомби. И в эту ночь они ведут себя именно как зомби. А дату Зоя ни за что бы не перепутала, за календарем они следят там очень строго. От этого зависит их жизнь.

— А почему 22 сентября?

— 22 марта еще. Два дня в году. В остальное время все спокойно. Ну я тебе, в общем-то, все рассказал.

— М-да... весеннее и осеннее равноденствие. Слушай, а если, например, человек умер не своей смертью.

Ирина Малаховская-Пен

Ну зарезали, утонул, я не знаю. Упал и кости все переломал.

— И что?

— Как они потом ходят среди живых такие? Они же покалечены?

— Вот ты чудак-человек! Да затягивается это все на них. Заживает, как на собаках. Говорю тебе, мистика чистой воды. Я всю жизнь занимаюсь паранормальным, но чтобы такое...

— Заживает на мертвых. Гениально! И что, вообще никаких предположений о причинах этой мистики?

— Нет. И в слухах тоже никаких деталей. Сам факт есть, а что послужило причиной — никто не знает.

— Я уверен, что медицинские исследования покажут, кто жив, кто мертв.

— Да они тебя пошлют куда подальше с твоими исследованиями. Притом и живые, и дохлые. Опять же, и в чем смысл?

— Да как в чем? Привлечь общественность. Вывезти их оттуда, мертвых похоронить, землю исследовать. Водоемы опять же. Что-то там точно есть, не на пустом месте такое происходит.

— Ага. Никто до тебя не вывез, и ты ничего не делаешь. А привлечением общественности ты рискуешь накликать на себя диагноз. Местных же, видимо, все устраивает. Эти... Они монстры только дважды в году, а 363 дня они люди. Обычные люди. Притом — вечные. Про них практически никто не знает. Вокруг деревни, как я понял, ходят слухи. Но на этом все.

— Нет, я все-таки одного понять не могу. Почему там не стареют живые, если они там, как ты говоришь, есть. Основная масса. Так бы можно было их различить. Там что, не одна аномалия, а несколько?

Хлодная вечность

— Костя, насколько я могу предполагать, в селе все друг про друга знают, кто жив, а кто мертв. Это не мешает им общаться в обычные дни. Кроме двух ночей в году. Посвящать посторонних в свои тайны они не намерены! Просто живые как могут стараются обезопасить себя в эти даты. И да. Стариков и детей я там не видел. Не знаю, одна аномалия там или десять. Но факт остается фактом.

— Но как же так?

— Ну... Вот так. Может быть, просто никто не хочет дряхлеть. А зная свою участь, кто мешает покончить с собой и существовать дальше? Никто. А кто откажется? Вот ты бы отказался?

— Отказался бы! — Твердо сказал Костя.

— И почему же?

— Да ты что, Вить? Быть непонятно кем, да еще и вечно. Питаться человечиною два раза в год. Ты действительно думаешь, что это привлекательная перспектива?

— Ну да, да, ты прав. А все равно. Заманчиво.

— Да тьфу, пакость! Ничего заманчивого. Но я хочу сам посмотреть на эту дьявольщину. У меня отпуск как раз накопился, а жене скажу, что в командировку. Ты едешь?

— Нет, брат. Я пас. Может быть, позже, но пока я даже думать не хочу, что когда-то еще окажусь в этом месте. Как Татьяна? Как у вас дела? Торчишь тут сутками, наверное. Обижается.

— А, да нет. Уже не обижается. Мы же развелись. Все привыкнуть не могу.

— Как?!

— Как-как. Как все люди разводятся. Ну, ладно. Точно не поедешь?

— Не поеду!

Ирина Малаховская-Пен

— А я могу у этого Петра остановиться? На тебя сослаться, как думаешь? Ему можно позвонить?

— Да нет же, говорю тебе, никак ему не позвонить. Цивилизации — ноль. Но, думаю, ты вполне можешь у него остановиться, скажи — от меня. Однако должен предупредить, что рад тебе там никто не будет. И про анализы свои забудь. Никто тебе помогать не станет.

— Я все ж таки попробую.

Глава 2

И в аэропорту, и в самолете, и в электричке, и в такси Костя проматывал разговор с Логиновым у себя в голове и думал, что же его ждет в загадочном Позднем. Такси остановилось около леса, Соболев очнулся.

— Приехали, что ли? Или сломался?

— Дальше не поеду. Вот тут через лес около пяти километров, и ты на месте.

— Ничего себе! Прилично...

— Дальше не поеду! Хоть убей.

— Да что такое-то?

— Нормально все. А тебе чего там понадобилось, в Позднем?

— Я тератолог. Буду местных жителей изучать.

— Ну, изучай-изучай, ученый, — хмыкнул таксист, — жителей.

Взял деньги и уехал. Вот так номер. Ничего такого Логинов ему не рассказывал. Или что? Так был впечатлен самой деревней, что прочие детали вылетели из головы? Ну да ладно. Погода пока не особо зверствует, можно и прогуляться. Скоро уже выпадет снег, но

Ирина Малаховская-Пен

Соболев предусмотрительно положил в свой огромный рюкзак зимнюю одежду и обувь. Хотя неизвестно, сколько он тут сможет пробыть незванным гостем. Дорога была вполне себе хоженной. Видны были следы ботинок и колес, судя по ширине, от телеги. А вот и отпечатки копыт. Костя достал телефон. От шкалы сотового оператора осталась одна малюсенькая полоска. Соболев был уверен, что скоро пропадет и она. Куда его понесло? Спокойно, Соболев, спокойно! Ты стоишь на пороге чего-то действительно таинственного. Не малодушничай! Вперед!

Уже стемнело, когда Соболев добрался до Позднего и нашел дом по туманным описаниям Виктора. Все-таки здорово он тут обделался, парапсихолог, блин. Ну, ничего, неизвестно еще, что будет с ним самим в этом странном месте. Костя увидел свет в окнах домов, электрический. Уже что-то. Хоть не при свечах живут. Без сотовых, без связи с миром, но хотя бы со светом. Соболев стукнул в дверь. На пороге почти сразу появился мужик.

— Ничего себе! — воскликнул Соболев. — Вы что, стояли за дверью?

— Больно надо. Я по животным смотрю. Лошадь в загоне, слышу, фыркает. Собака в доме вся извертелась. Значит, чужого кого-то принесло.

— Слушайте, точно! Животные! А они разве не чуют мертвых?

Петр — если это был он — от неожиданности крикнул. Костя понял, что пора объясниться, а то, пожалуй, придется ночевать на улице. А то и в лесу, от греха подалее.

— Моя фамилия Соболев. Константин Соболев. Я ученый, тератолог. Изучаю физиологические анома-

Хлодная вечность

лии. Мне Логинов про вас рассказал, Витя. Он тут недавно у вас... гостил. Можно войти? Я заплачу.

— О как. Это за что же?

— За ночлег.

— Деньги тут не такая уж большая ценность. В селе и магазина-то нет. Да входи. Чай не звери, люди. Разберемся.

Костя шагнул было внутрь, но застыл одной ногой в доме, другой на крыльце.

— Чего замер?

— Я заранее прошу меня простить за этот вопрос. Вы живой?

— Ох, грехи наши тяжкие! А хоть бы и нет? Октябрь на дворе. Друг-то рассказывал, наверное. Входи, хватит хату студить.

Тяжелая дверь захлопнулась за Костей. Он оказался в доме с жителем села, то ли живым, то ли нет, но это вроде как в данное время года и неважно. «Маразм, — подумал Соболев. — Кажется, я начинаю сходить с ума. И это в первый же день здесь».

В доме у Петра было тепло и уютно, хотя и несколько аскетично. Чувствовалось, что женщина тут не живет. Одинокий мужик лет тридцати с хвостом, и что это может означать? Вдовец? А тут бывает такое? Хм. Никогда не женился? Тут Соболев обратил внимание на большой рюкзак, стоящий у печи. Почти как у самого Соболева, только не фирменный, а обычный, защитного цвета.

— Вы куда-то собираетесь?

— Собираюсь... Как тебя там, я забыл?

— Костя. Константин Соболев.

— Ну да. Собираюсь уезжать, Константин Соболев. В город, к сестре. Раньше ей не до меня было. Своя се-

Ирина Малаховская-Пен

мья: муж, дети. А сейчас живет одна, зовет к себе. Подумал-подумал. Решил ехать.

— А куда у нее все делись?

— Мужа схоронила, дети выросли, своей жизнью зажили. А ей скучно. Да и трудно женщине одной. Поеду.

— Так она, наверное, могла бы нового мужа найти?

— В шестьдесят-то лет? Ну, не зна-а-а-ю. Может, и могла бы.

— Это она вас настолько старше?! — изумился Костя.

— Насколько — настолько? На десять лет всего.

— Вам что, пятьдесят лет?! — Изумление готово было выплеснуться наружу и потечь по полу куда глаза глядят. Соболев смотрел на мужика, которому от силы было лет сорок на вид. В самом крайнем случае сорок. А может даже и тридцать. Но пятьдесят?!

Соболев присел на стул, не дожидаясь приглашения. Зажмурился, потер лоб рукой. Подумал, что охота протереть глаза. Чтобы стряхнуть с себя остатки сна. Протереть глаза, а открыв их, увидеть свою московскую квартиру. И жену. Даже не кабинет на любимой работе, а именно квартиру и жену. Но он был реалистом и понимал: три глаза, не три, а открыв их, увидишь простецкую обстановку и мужика, собирающего вещи в дорогу.

— Да. Незадача.

— Что такое?

— Да я просто думал попроситься у вас погостить. А вы вон... уезжаете.

— Да ты че, милый? Думаешь, я тебя на улицу выставляю? Гости себе. У меня даже и припасы есть в погребе. Приехал на край света и думаешь, тут порядки как в столице вашей? Зря ты так. Не жалко мне, живи себе да живи сколько надо.